

[Культура и образование](#)

Электронный ежемесячный научно-практический журнал

• О журнале

- [О журнале](#)
- [Редколлегия](#)
- [Архив номеров журнала](#)
- [Авторам](#)
- [I Международная научно-практическая конференция «Проблемы современности: человек, культура и общество» \(22-24 декабря 2013 г.\)](#)
- [ГОД КУЛЬТУРЫ 2014](#)
  - [- II Международная научно-практическая конференция «Проблемы современности: человек, культура и общество» \(22-24 июня 2014 г.\)](#)
  - [- Международный интернет-форум молодых ученых, посвященный Году культуры 2014](#)

• Личный кабинет автора

- [Регистрация](#)
- [Войти](#)

• Поиск

«СКВОЗНЫЕ» ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ В ПРОЗЕ ДАМСКИХ ЖУРНАЛОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Симонова Ольга Алексеевна
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Аннотация

Сформированный русской литературной традицией идеальный женский характер подразумевал жертвенность, самоотречение и покорность героини. Такие героини жертвовали собой ради семьи и любимого мужчины. Беллетристика дамских журналов

начала XX века подражала произведениям классической литературы на идейно-тематическом и сюжетно-мотивном уровне, она транслировала устоявшиеся гендерные стереотипы. Рассказы воспроизводили патриархальных героинь, жизнь которых была ограничена рамками семьи. Изображалась женщина, отринувшая свое «я» ради любви, ради реализации своей телесной сущности и приобретения социального статуса.

Ключевые слова: [женская проза](#), [Mass literature](#), [женские журналы](#), [массовая литература](#)

ADOPTED IMAGES AND SUBJECTS IN PROSE OF THE LADIES MAGAZINES IN THE EARLY 20TH CENTURY

Simonova Olga Alexeevna

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Science
Candidate of Philological Sciences (Ph. D.), Senior Researcher

Abstract

The ideal female character formed by the Russian literature tradition implied sacrifice, self-denial and submission of the heroine. Such heroines sacrificed themselves for the sake of the family (Tatyana Larina, Sonia Marmeladova, etc.) and their lovers ("Turgenev's girls"). Fiction of the ladies magazines in the early 20th century followed the works of classical literature at the ideological and thematic and plot-motivic level. It reproduced the established gender stereotypes. The stories represented patriarchal heroines whose life was limited within the family. The woman who abandons herself for the sake of love, realization of her physical essence and acquisition of the status were showed in these stories.

Keywords: [women's magazines](#), [women's prose](#)

Рубрика: [Секция 4. Филологические науки](#)

Библиографическая ссылка на статью:

Симонова О.А. «Сквозные» образы и сюжеты в прозе дамских журналов начала XX века // Культура и образование. – Октябрь 2014. - № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/10/2480> (дата обращения: 05.11.2014).

В богатой палитре отечественных женских изданий начала XX века дамские журналы («Журнал для хозяек» (1912–1926), «Журнал для женщин» (1914–1926), «Мир женщины» (1912–1916) и др.) представляют для нас особый интерес, так как включают в себя большой литературный отдел. В целом, это были издания, освещавшие вопросы домашней, семейной и светской жизни женщины.

Беллетристика этих журналов является частью массовой литературы начала XX века. Она формировалась на основе классической литературы, заимствуя темы, сюжеты, мотивы, основные характеристики персонажей. Наиболее подходящим инструментарием для анализа массовой литературы является предложенное Джоном Кавелти понятие «формулы» [1]. Формулы массовой литературы восходят к обрядам и мифологическим

архетипам; основываясь на традиции, они полностью удовлетворяют бессознательные ожидания читателей. Существующие в культуре стереотипы и штампы соединяются в формулы. Формула представляет собой отработанную до автоматизма часть художественной формы. Понятие формулы дает возможность рассматривать большие группы произведений, проводя сопоставление и выявляя определенные закономерности и схожие комбинации культурного материала.

Стандартность произведений, ориентированных на женскую читательскую аудиторию, их формульность была осознана еще современниками. Емкую характеристику того, каким должен быть идеальный женский рассказ, мы находим в пародийном произведении, опубликованном в журнале «Женское дело». Итак, идеальный женский рассказ должен обладать следующими характеристиками:

1. «В нем должно проявиться “женское творчество”» [2]. Самобытность и женственность.
2. Рассказ должен быть о женщине.
3. Он должен воплощать идеалы современности.
4. Герой должен быть женским идеалом мужчины.
5. Героиня должна быть женским идеалом женщины, т.е. зарабатывать на жизнь своим трудом.

Ироническое восприятие женского творчества встречается и во многих рассказах Н.А. Тэффи («Бабья книга», «Демоническая женщина» и др.). Существование пародий на женский рассказ позволяет говорить о том, что к началу XX века были выработаны тематические, идеологические, стилистические и др. требования к произведениям, ориентированным на женское прочтение.

Массовой беллетристике свойственна вторичность идей, тематики, являющаяся, по мнению Н.М. Зоркой, определяющим признаком бульварной литературы [3, с. 144]. Одним из излюбленных ориентиров писателей начала XX века была «Крейцеров соната» Л.Н. Толстого. В дамских журналах можно встретить подражания этому рассказу на идейно-тематическом, сюжетно-мотивном и образном уровне.

Так, рассказ «Где справедливость?» А.М. Громова [4] воспроизводит идейно-тематические особенности «Крейцеровой сонаты». Он построен в виде сменяющих друг друга реплик, как подслушанный автором разговор мужчин и женщин. Сначала один из мужчин рассказывает, как происходил процесс становления его отношения к женщине, как из дружеского отношения начало вырастать «телесное стремление», как в наслаждении разными женщинами он потерял способность любить и в итоге пришел к убеждению, что все женщины – самки. Его путь развития выстраивается по примеру становления героя «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого Позднышева.

Но в данном рассказе последнее слово остается за героиней, которая является носителем авторской, «правильной» точки зрения, что импонирует женской аудитории журнала. Утверждается право женщины быть равной мужчине, что свойственно риторике женских изданий. Типично противопоставление устаревшей и новой морали, проповедуемой женскими журналами и массовой беллетристикой.

Сюжетно-мотивная и образная система «Крейцеровой сонаты» стали основой рассказа Владимира Ленского «Разбитая виолончель» [5]. Героиня повествует о своей жизни. В 16 лет она вышла замуж за мужчину на 30 лет старше себя, которого не любила. Случайно на балу она знакомится с капитаном Гаккенбергом. Оказывается, что он прекрасно играет

на виолончели, они начинают музицировать вместе. Героиню настолько завораживает его игра, что она увлекается им и однажды вечером соблазняет его. Пришедший муж понимает, что произошло, и в ярости топчет ногами виолончель.

Очевидно, что сюжет, персонажи и образная система в данном случае заимствованы из «Крейцеровой сонаты». Но, как произведение вторичное по отношению к признанному шедевр, оно лишено идеологической подоплеки, героиня только повествует историю своей жизни, не делая из нее глобальных выводов. Повествователем «Разбитой виолончели» является женщина. Казалось бы, удачный ход – написать полемизирующее с «Крейцеровой сонатой» произведение – оказывается проигрышным из-за отсутствия рассуждений героини. Рассказчик Толстого Позднышев объяснял единичный, исключительный случай всем устройством жизни и общества. В произведении Ленского героиня не рассуждает по поводу причин произошедшего, она объясняет случившееся порывом чувств. Ее исповедь остается безликой.

Ориентация на сюжетную и образную основу «Крейцеровой сонаты», описание фатального действия музыки, разрушающей семейное счастье, восприятие любви посредством музыки встречается и в других рассказах: «Лунной сонате» М. Перельмана [6], «Повести без слов» Ольги Винницкой [7], ноктюрне «Ничто не повторяется» Кармен [8]. Можно привести примеры и других «паразитирующих» на классике произведений. Портрет любимого, приобретающий власть над человеком [9], отсылает к «Портрету» Н.В. Гоголя. Рассказ Кармен «Дикая утка», в котором герой подстреливает утку, а в это время гибнет его любимая девушка, восходит как к одноименной пьесе Г. Ибсена, так и к «Чайке» А.П. Чехова [10].

Характерно, что иногда первоисточник не переосмысливается: мысли и фразы просто пересказываются. Героиня рассказа В. Муйжеля «Бабочка», стремящаяся к деревенской жизни, «цитирует» А.П. Чехова: «А старый сад – вишневый сад, вы помните? И весь осыпанный душистым облаком первого цвета!..» [11].

Беллетристика дамских журналов всегда традиционна, усваивая в качестве образцов литературу предыдущих десятилетий, она не отвечает новейшим литературным тенденциям. Ее герои в большинстве своем принадлежат старому миру. Украинская исследовательница Вера Агеева, обозначив одним из признаков европейского модернизма конца XIX – начала XX века «войну полов», противопоставляет героинь классической и модернистской литературы: «Ограниченное количество доступных патриархальной героине общественных ролей (мать, жена, помощница, самоотверженно посвященная семье или Богу, в нечастых случаях возможность для одаренной женщины реализоваться в каких-то творческих профессиях) определило и узость, ограниченность того пространственного, предметного мира, тех топосов, где она может функционировать» [12, с. 14].

В рассказах дамских журналов героиня помещена в тесный мирок, ограниченный рамками ее семьи: «Картина, возникающая из журнальной беллетристики, изображает семейную, пассивную, эмоциональную и зависимую женщину, ищущую и находящую счастье в традиционных ролях, в то время как ее идентичность зависит от мужчины в ее жизни» [13, с. 43]. Героиня отринула свое «я» ради любви, ради реализации своей телесной сущности и приобретения социального статуса. Обычно актуализируются семейные функции героини: мир персонажей включает ее мужа, мать, детей, прислугу и т.д. Такое изображение женщины характерно для классической литературы: «Защитники старого уклада предлагали в качестве женского идеала образ самоотверженной жены и матери» [14, с. 116]. Часто дети выступают для женских персонажей как единственная

отрада, нужная для их самореализации [15], что подтверждает приверженность беллетристики дамских журналов традиционным гендерным стереотипам.

Сформированный русской литературной традицией идеальный женский характер подразумевает жертвенность, самоотречение и покорность героини. Такие героини жертвуют собой ради семьи (Татьяна Ларина, Сонечка Мармеладова и др.), любимого мужчины («тургеневские девушки»). Но отличие их от персонажей массовой беллетристики заключается в индивидуальности психологических образов, большей степени авторского осмысления и оправдания «правильной» женской роли, в то время как в прозе женских журналов такая героиня будто не создана писателем, а «выхвачена» им из реальности.

Типичный сюжет строится как развитие любовных отношений между героем и героиней (включая и ситуацию любовного треугольника). Зачастую и любовные отношения развиваются в пределах семьи героини. Они могут возникнуть между сестрой героини и ее мужем [16], между героиней и братом ее мужа [17], между героиней и слугой [18]. Происходит инверсия сюжетов классической литературы, в которых герой влюблялся в кого-то из своего дома («Обрыв» И.А. Гончарова, «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Воскресение» Л.Н. Толстого). Так ограниченность жизни героини рамками семьи достигает своего апогея, а на уровне сюжета очевидна ориентация на классику.

Усваиваются массовой беллетристикой и идеи раннего символизма: героини женских рассказов стремятся к чему-то неведомому, что звучит практически как в стихотворении З.Н. Гиппиус: «Мне нужно то, чего нет на свете». В подавляющем большинстве рассказов то неизвестное, чего хочет героиня, все же получает оформление в виде мечты о большой любви, которой никогда не было в ее жизни или которая осталась в прошлом. Так массовая беллетристика облекает символистскую жажду другой, неведомой жизни в формы, понятные обычной читательнице. Рассказы дамских журналов выполняют эскапистскую функцию: они часто изображают мир, не существующий в реальной жизни читательницы, рисуют ту ситуацию, в которой она хотела бы оказаться.

Неудовлетворенность собственной жизнью порождает мечты о более счастливой жизни. Неутоленная потребность в необычных ощущениях, ярких событиях обычно приводит героиню к банальному адультеру. Характерной разновидностью таких рассказов является история «курортного романа» [19]. Это наиболее удобный хронотоп возникновения и окончания чувства в пределах небольшого прозаического произведения. Иногда такая история сводится к моментальной страсти в пути [20], к «пароходной “истории” с пошлым привкусом» [21]. Отметим, что те же темы на другом художественном уровне разрабатываются в произведениях «высокой» литературы («Дама с собачкой» А.П. Чехова, «Солнечный удар» И.А. Бунина).

Суицидальные мотивы в произведениях, опубликованных в дамских журналах, – дань литературной моде. Героини рассуждают о суициде как единственной возможности изменить несложившуюся жизнь [22]. Они романтизируют несогласие с жизнью, подкрепляя свою правоту мнениями авторитетов: «Шопенгауэр сказал: “Если тебе не удалась жизнь, верь – удастся смерть”» [23]. Повествователь сообщает, что эти слова принадлежат Ницше. Выясняется поверхностная осведомленность героини в том, о чем она рассуждает. С одной стороны, это важная авторская характеристика героини: она всего лишь воспринявшая чужие идеи барышня, что прочитывается уже и в названии рассказа («Барышня Нелли»). С другой стороны, вводя в текст значимые для современной ему культуры имена, писатель делает произведение «модным», включает художественную реальность в контекст читательской жизни. Но массовая беллетристика

выдает за актуальное то, что уже освоено культурой. Так, идеи Ф. Ницше и А. Шопенгауэра активно обсуждались русской общественностью в предыдущие десятилетия (1890–1900-е годы), а с началом Первой мировой войны потеряли прежнюю значимость, в первую очередь, по идеологическим соображениям.

Героини прозы дамских журналов, как правило, принадлежат к тем же кругам, что и ее читательницы. Типичная героиня – это неработающая жена мелкого или среднего чиновника. Писатели конструируют социокультурный статус женских персонажей, исходя из собственных представлений о типичной читательнице журнала, что позволяет ей соотносить себя с героиней.

Сюжетно-тематическая и субъектная основа едина для многих рассказов женских журналов. Основными являются темы любви, семьи, измены, самоопределения женщины. Стил писателей обезличен, используются лексико-стилистические клише. Авторы часто заимствуют оригинальные находки великих писателей. Проза женских журналов не прибегает к художественному новаторству. Согласно ориентации журналов на женскую аудиторию, в произведении всегда есть главная героиня, изображается ее судьба, героимужчины изображены в качестве неглавных или даже второстепенных персонажей. Иногда в произведении скрыта идеологическая полемика, тогда в упрощенно-доступном виде подаются проблемы разности поведения полов, обсуждаемые в то время в обществе. В таких случаях «носителем истины» выступает женщина, а ее проигравшим оппонентом – мужчина, что объясняется ориентацией на женскую аудиторию издания. Проза дамских журналов традиционна, она транслирует устоявшиеся гендерные стереотипы. прибежищем героини всегда остается семья.

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02709)

Библиографический список

1. Кавелти Дж.Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.
2. М-я Клавдия. Рассказ // Женское дело. 1914. № 13. С. 6.
3. Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М., 1976. 303 с.
4. Женская жизнь. 1915. № 4. С. 11–12.
5. Журнал для хозяек. 1914. № 5. С. 28–31.
6. Женская жизнь. 1916. № 9–10. С. 3.
7. Женская жизнь. 1916. № 11–12. С. 27–29.
8. Журнал для хозяек. 1914. № 22. С. 25.
9. Архипов Николай <Бенштейн М.Л.>. В окне: Миниатюра // Женская жизнь. 1916. № 3. С. 8.
10. Женская жизнь. 1916. № 9–10. С. 13–15.
11. Муйжель В. Бабочка: Рассказ // Журнал для хозяек. 1914. № 13. С. 22.
12. Агеева В. Женское пространство: Феминистический дискурс украинского модернизма. М., 2008. 304 с.
13. Gallagher M. Unequal Opportunities: The Case of Women and the Media. Paris, 1981. 221 p.
14. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. 54 с.
15. Ш-н Елизавета. Один вечер // Журнал для хозяек. 1914. № 11. С. 30; Ласковая Ф. Будни // Мир женщины. 1915. № 2. С. 4–8; Ласковая Ф. Анна и Борька // Журнал для

- хозяек. 1916. № 8. С. 23–24; Эк Е. <Курч Е.М.>. Мамины страхи // Журнал для хозяек. 1916. № 17. С. 27–29.
16. Белая чайка // Журнал для хозяек. 1916. № 12. С. 25–26.
  17. Вяткин Г. У моря // Мир женщины. 1914. № 7. С. 10–12.
  18. Лидин Вл. Истерия // Женская жизнь. 1916. № 1. С. 12–13.
  19. Дыскоский Мих. Женщина // Журнал для хозяек. 1914. № 1. С. 26–27; Саксаганская Анна. У моря // Журнал для хозяек. 1915. № 8. С. 25–26; Хитрово Т. Июльский ветер // Журнал для хозяек. 1916. № 14. С. 26–28.
  20. Черный Борис. Сто пятьдесят верст // Журнал для хозяек. 1915. № 5. С. 25.
  21. Хабаров Ю. Рабы // Женская жизнь. 1915. № 19. С. 13–14; Виноградская Е. Миг один: Рассказ // Журнал для хозяек. 1915. № 14. С. 25–26.
  22. Усовская Лидия. Последнее письмо // Журнал для хозяек. 1913. № 17. С. 22–23.
  23. Архипов Ник. <Бенштейн М.Л.>. Барышня Нелли // Женская жизнь. 1916. № 4. С. 6–7.

Связь с автором (комментарии/рецензии к статье)

Оставить комментарий

Вы должны [авторизоваться](#), чтобы оставить комментарий.

Если Вы еще не зарегистрированы на сайте, то Вам необходимо зарегистрироваться:

- [Регистрация](#)

© 2014. Электронный ежемесячный научно-практический журнал.

Разработка и поддержка сайта: [Лаборатория интернет-технологий](#)